

чтобы он утвердил декреты о духовенстве и другие, которые он отказывался утвердить; чтобы он вернул министров-жирондистов, удаленных 13 июня, и изгнал священников, не желающих присягать конституции; чтобы он выбрал, наконец, между Кобленцем и Парижем. Король махал шляпой, дал надеть на себя красный шерстяной колпак; его заставили выпить стакан вина за здоровье нации. Но он все-таки в течение двух часов сопротивлялся народу, упорно заявляя, что будет держаться конституции.

Как нападение на королевскую власть движение оказалось неудачным. Результатов не получилось никаких.

Зато с каким ожесточением напали тогда на народ имущие классы! Раз народ не решился действовать наступательно и тем самым выдал свою слабость, на него набросились теперь со всей ненавистью, какую только может внушить страх.

Когда в Собрании было прочитано письмо, в котором Людовик XVI жаловался на нападение на его дворец, Собрание разразилось такими же рабскими рукоплесканиями, как будто оно состояло из придворных и как будто дело происходило раньше 1789 г. Якобинцы и жирондисты единодушно выразили движению 20 июня свое порицание.

Ободренный, по всей вероятности, таким приемом, двор добился назначения в Тюильрийском дворце особого суда для наказания «виновных». Двор хотел воскресить, говорит Шометт в своих мемуарах, такое же возмутительное судилище, какое заседало после событий 6 октября 1789 и 17 июля 1791 г. Суд состоял из мировых судей, продавшихся королевской власти. Двор кормил их, и гоф-фурьерское управление получило приказ снабжать их всем необходимым¹. Наиболее выдающиеся писатели подверглись преследованиям или тюремному заключению; та же участь постигла нескольких представителей и секретарей секций и некоторых членов народных обществ. Называться республиканцем опять стало опасно.

Департаментские управы (директории) и многие муниципалитеты присоединились к раболопной демонстрации Собрания и прислали письма, в которых выражали свое негодование против «мятежников». В сущности, из 83 департаментских директорий 33. т. е. вся западная Франция, открыто были проникнуты роялистским и контрреволюционным духом.

Революции - не нужно забывать этого - делаются всегда меньшинством, и даже тогда, когда революция уже началась и часть народа принимает ее со всеми ее последствиями, всегда только ничтожное меньшинство понимает, что остается еще сделать, чтобы обеспечить победу за сделанными уже изменениями, и обладает нужной для действия силой и смелостью. Вот почему всякое Собрание, всегда являясь представителем *среднего уровня страны* или даже стоя ниже этого среднего уровня, было и будет тормозом революции и никогда не может сделаться ее орудием. Оно, конечно, парализует до некоторой степени власть короля, но оно никогда не может стать средством, чтобы толкать революцию вперед по пути имущественных завоеваний народа. Народ *сам* должен действовать организованно в этом направлении, помимо Собрания.

Законодательное собрание Французской революции служит поразительным подтверждением этого взгляда. Вот что происходило, например, в этом Собрании 7 июля 1792 г. (заметьте, что четыре дня спустя ввиду немецкого вторжения уже было провозглашено «отечество в опасности», а месяц спустя уже пала монархия). В течение нескольких дней перед 7 июля шли прения о мерах к охранению общественной безопасности. И вот по наущению двора лионский епископ Ламурет внес предложение об общем примирении партий, а для этого предложил такое очень простое средство:

«Одна часть Собрания приписывает другой крамольное желание разрушить монархию, - говорил он. - Другие же обвиняют своих сотоварищей в стремлении уничтожить конституционное равенство и установить аристократическое правление, известное под названием двух палат. Так вот, господа, уьем общим проклятием и непоколебимой клятвой и *республику, и систему двух палат!*» Тогда все Собрание, охваченное энтузиазмом, встает и выражает свою ненависть и к республике, и к двум палатам. Шляпы летят вверх, все обнимаются, правая и левая братаются между собой, и тотчас же посылается депутация к королю, который присоединяется к всеобщему ликованию. Эта сцена получила в истории название «поцелуя Ламурета».

К счастью, общественное мнение не поддавалось на такие чувствительные сцены. В тот же вечер крайний из якобинцев Бийо-Варенн протестовал в Якобинском клубе против такого лицемерного сближения, и клуб решил разослать его речь всем якобинским обществам в провинции.

¹ См.: Journal de Perlet, 27 juin, цит. у Олара в примечании к мемуарам Шометта (Memoires de Chaumette...).